

Сидоренко Л.В. Мятежи Гордона: массовый радикализм и проблемы министерской стабильности в Англии в 1780 г. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. № 2. 2008. / Сост. Б.П. Заостровцев. СПб., 2009. С. 77-97 (0,9 п.л.).

Другие статьи *Л.В. Сидоренко* можно найти по адресу:
<http://novist.narod.ru/sidorenko.html>

Л. В. Сидоренко

Мятежи Гордона: массовый радикализм и проблемы министерской стабильности в Англии в 1780 г.

В течение XVIII в. массовые народные выступления жителей Лондона играли важную роль в политической жизни английской столицы. Апогеем этих акций без преувеличения можно считать знаменитые мятежи Гордона - самые масштабные беспорядки за всю историю города на Темзе, продолжавшиеся с 2 по 9 июня 1780 г. Несмотря на внешние религиозные (антикатолические) лозунги, эти мятежи нельзя отделять от общеполитического развития страны, переживавшей в 1780 г. тревожное время. Глава правительства лорд Норт, сумевший в начале 1770-х гг. стабилизировать правительство, к концу этого десятилетия в условиях неудачной войны с североамериканскими колонистами столкнулся с противостоянием парламентской и радикальной оппозиции. В атмосфере нараставшего политического кризиса мятежи Гордона едва не оказали катастрофическое воздействие на стабильность всей политической системы, но в итоге обернулись усилением кабинета. Целью данной статьи является выявление связи антикатолического и радикального движений, а также оценка мятежей Гордона как фактора, повлиявшего на министерскую стабильность и политическую жизнь страны в целом.

Рассмотрение поставленных проблем целесообразно начать с краткого историографического обзора. Несмотря на многолетнее изучение мятежей Гордона, историки так и не пришли к единому мнению об их природе. Существуют три взгляда на эти события. Первый, старый и традиционный, заключается в стихийном проявлении религиозного фанатизма толпой. Вторую точку зрения можно назвать политической: беспорядки 1780 г. были связаны с войной в Америке и имели целью или заставить правительство её прекратить (поэтому не исключались происки США и Франции), или были инспирированы правительством с

целью заглушить оппозицию /1/. Третью причину видели в стихийном недовольстве социальных низов богатыми слоями общества /2/.

По известным причинам в отечественной историографии была популярна последняя точка зрения. Разработка социального фактора в англоязычной историографии прочно ассоциируется с трудами известного историка-марксиста Дж. Рюде, считавшего мятежи Гордона типичным примером городских волнений XVIII в., проводимых по определённой схеме, предусматривавшей сбор большого числа людей во главе с лидерами на местах; понятные и популярные лозунги; намеченные объекты для атаки вроде домов определённых лиц, чью собственность уничтожали или сжигали. При этом, как отмечал Рюде, хотя мятежи Гордона и не были, строго говоря, политическими, но в данном случае восставшие черпали свой энтузиазм, пусть и не копировали образ действий, у более солидных сил общества вроде уважаемого мнения Сити /3/. На основе судебных протоколов Рюде приходит к выводу, что состав бунтовщиков точно отражал состав трудового населения Лондона. Среди неявных причин волнений Рюде видел продовольственные проблемы низов и классовую вражду бедных к богатым. Не случайно, по его мнению, жертвами были католики из социально благополучных слоёв населения, а не ремесленники и рабочие. Попутно проявилась и ненависть к иностранцам /4/.

Но, как считает современный историк Дикинсон, последние исследования показали, что антикатолицизм являлся основным мотивом восставших, а большинство жертв было или католиками, или сторонниками их эмансипации. Эта враждебность привела к атакам на бедных католиков и демонстрациям против них в ряде провинциальных городов. Только на последних стадиях мятежей восставшие атаковали объекты не связанные с католиками /5/. При этом нет никаких данных полагать, что лорд Гордон или Протестантская ассоциация планировали мятежи со злым умыслом. Скорее, можно говорить о фатальной цепи событий, приведшей к мятежам, когда руководители толпы утратили

над ней контроль /6/.

К 1780 г. из-за продолжавшейся войны в Северной Америке и из-за роста недовольства политикой правительства в стране положение администрации Норта было сложным. Текущая сессия отразила противостояние королевских министров и оппозиции: обсуждаемые вопросы стали более резкими, а дебаты - смелыми. Обсуждение в марте предложения Эдмунда Бёрка по отмене поста третьего государственного секретаря и рассмотрение обвинения Норта в коррупции показали шаткость министерства /7/. Натиск оппозиции возрастал. Историческим днём стало 6 апреля, когда при обсуждении петиций Джон Даннинг из группы Шелборна обратил внимание, что целью подписавших петиции людей было сокращение неконституционного влияния короны, расследование трат средств гражданского листа, отмена синекур и нецелевых пожалований. Усматривая причину неудач в влиянии короны, Даннинг внёс революционную резолюцию о том, что "влияние короны возросло, возрастает, и должно быть уменьшено", которая была принята /8/. Этот успех окрылил оппозицию, и, уверовав в победу, 10 апреля Даннинг предложил с целью защиты независимости парламента, чтобы ответственные должностные лица обнародовали все виды пожалований, дарованных членам парламента. Это быющее по прерогативе короля предложение также прошло /9/. Успех Даннинга имел огромное значение: впервые оппозиция смогла получить поддержку палаты по конституционному вопросу. Но Георг III отнёсся к резолюции Даннинга спокойно, не веря, что желание "перевернуть" конституцию может исходить от большинства подданных: "Фракционные лидеры и конченные люди желают этого; но большая часть нации не может думать так же"/10/. Впрочем, успехи оппозиции на этом окончились. Предложение Даннинга от 24 апреля принять адрес королю с просьбой не закрывать парламент до принятия мер по сокращению влияния короны не прошло, несмотря на яростные призывы вспомнить о духе резолюции 6 апреля /11/.

Парламентская атака оппозиции на короля и министров

сопровождалась её заигрыванием с радикальным движением, резко активизировавшимся в то время. Маркиз Рокингем, лидер крупнейшей оппозиционной фракции, одобрил образование в 1780 г. Йоркширской ассоциации /12/, ратовавшей за проведение парламентской реформы. При этом он выступал против требований “равного представительства”, ежегодных выборов и ликвидации “гнилых местечек”, считая идею сокращения срока деятельности парламента преждевременной. Рокингемиты верили, что пороки системы можно исправить не меняя её, победив коррупцию с помощью экономической реформы /13/, предполагавшей лишение права голоса держателей мест, исключение подрядчиков из палаты общин и отмену многочисленных постов и синекур с ограничением права короля назначать пенсии. Рокингемиты считали, что эти меры помогут сократить влияние исполнительной власти в палате общин /14/. При этом маркиз трепетно относился к существовавшим конституционным нормам, отвергая все иные проекты реформ как утопические. Практика прямой апелляции к населению продолжалась, а пример Йоркширского движения оказался заразительным для других областей Англии. Вскоре к нему присоединились Миддлсекс, а затем в той или иной форме ещё около 20 графств. Это явление не вызвало энтузиазма у правящих классов. Хотя члены администрации и другие должностные лица не были совсем беспомощными в борьбе с радикальными объединениями, в целом они были подавлены этим мощным течением /15/.

Параллельно с радикальным движением в стране проявилось и не менее популярное антикатолическое движение, поводом к расцвету которого стали меры по ослаблению притеснений католиков, принятые в мае 1778 г. Тогда по инициативе Джорджа Сэвила были отменены три главных законодательных положения, ограничивавших свободу вероисповедания, образования и права собственности католиков, ни одно из которых в предшествовавшие годы не выполнялось полностью, но которые в эпоху Просвещения смущали общественное мнение страны /16/. Стоит заметить, что частичное восстановление в правах ка-

толического меньшинства распространялось только на Англию, где было встречено относительно спокойно. Однако слухи о возможной эмансипации католиков в Шотландии вызвали в северном крае нешуточный протест и всеобщее недовольство, на волне которого появилось не менее 85 обществ и корреспондентских комитетов, связанных с Эдинбургом в едином антикатолическом порыве. Этот религиозный фанатизм подогревался речами, памфлетами, листовками, проповедями и в конечном итоге способствовал мятежам Гордона /17/. Но если в начале движение было стихийным, то постепенно оно обрело организованные формы. Создание в ноябре 1778 г. Протестантской ассоциации с целью защиты протестантизма объединило усилия разных антикатолических обществ и комитетов /18/. При этом ассоциация имела более широкую опору чем сугубо политический орган радикалов в Йорке. Её идеи достигли сознания низших классов, что подтверждается наличием в её петиции во многих случаях не подписей, а значков, характерных для малограмотных людей. По справедливому мнению Г. Баттерфилда, эта ассоциация была праобразом современных групп давления на политиков /19/.

Уже в начале 1779 г. прокатилась серия антикатолических выступлений в Глазго и Эдинбурге, направленная против католиков и поддерживавших их протестантов. Вскоре движению стало тесно в Шотландии: агитация против католиков пересекла границу и вылилась в протест не против воображаемого билля, а против уже принятого закона /20/. В ноябре 1779 г. президентом Протестантской ассоциации был избран лорд Джордж Гордон, о котором после мятежей, получивших его имя, сохранилась в основном недобрая память. Он прошёл через карманный округ Ладжерсхолл, выступал против войны в Америке, тиранического короля, продажного парламента и преступного министерства. Но при этом лорд отказывался участвовать в регулярной оппозиции, предпочитая держаться в стороне от тех, кто мог его затмить. Единственной амбицией лорда было, писал он, «найти безопасную гавань в привязанности народа, который

обнаружит во мне настоящего проводника его собственных интересов» /21/. Известный историк XIX в. Дж. Джессе писал о Гордоне как о молодом человеке «обычных способностей, слабого ума и сомнительного рассудка». Джессе видел в нём сочетание энтузиазма, амбиций и шутовства с оттенком плутовства. Оценки современников были похожими /22/. Например, Горацио Уолпол вспоминал: «Этот лорд Джордж Гордон был сумасшедшим, как многие в его семье...» /23/. В письме к Мэнну Уолпол упоминил интересный факт: семья лорда имела репутацию якобитов и католиков, что означало странную метаморфозу в его сознании /24/.

Лорда Гордона по праву можно считать эксцентричным и фанатичным человеком и политиком, верившим в свою правоту и пытавшимся доказать это всем. Так, по воспоминаниям Уолпола, во время аудиенции у короля 27 января 1780 г. Гордон стал зачитывать свой памфлет по Ирландии. Георг III слушал лорда в течение часа и, не выдержав, сказал, что потом сам дочитает остальное. Лорд согласился оставить текст, если его величество поклянется своей честью завершить чтение. Королю ничего не оставалось как дать такое обещание /25/. В начале 1780 г. Гордон также успел отметиться выступлениями в парламенте, характеризовавшимися фанатизмом и нетерпимостью. Примером может служить его заявление в ходе дебатов по финансовым вопросам о том, что реформация, в соответствии с петициями людей, должна предшествовать налогообложению. Лорд также представил петицию от Эйршира против роста папизма в стране, предварив её своими размышлениями /26/.

Зенитом деятельности лорда Гордона и Протестантской ассоциации стала кампания по подготовке представления их петиции парламенту. В понедельник 29 мая в Коучмэйкерс Холле состоялся митинг членов ассоциации с целью обсуждения способа подачи петиции. После горячих речей лорда Гордона была принята резолюция, согласно которой вся Протестантская ассоциация должна была собраться в следующую пятницу в 10 часов на полях св. Георга, чтобы сопровождать его светлость до

парламента с целью помощи продвижению петиции. При этом лорд сообщил, что если придёт менее 20 тысяч, то он не будет вручать петицию. Члены ассоциации также заранее обговорили порядок сбора и отличительные знаки - голубые кокарды на головных уборах. Как и планировали, сбор людей начался 2 июня в 10 часов, в 11 прибыл лорд Гордон, а в 12 собравшиеся выдвинулись тремя колоннами к парламенту /27/. Отмечая опасность сбора большого числа людей не под политическими и социальными, а религиозными лозунгами, авторы ежегодника «Энньюэл Реджистер» писали: «Эта толпа была более могущественная и многочисленная, равно как и опасная, нежели все, которые можно припомнить» /28/. Сами беспорядки ещё не начались, но все предпосылки к ним были созданы.

В первый день мятежей Гордона главные события разворачивались в парламенте и вокруг него и были связаны с рассмотрением петиции, которая представляла коллекцию традиционных страхов протестантского населения страны перед католической опасностью. Несмотря на давление сторонников Гордона под окнами палаты, петицию поддержало лишь семь парламентариев, против выступило 192. В 11 часов палата проголосовала за приостановление заседаний до 6 июня /29/. Отказ поддержать петицию был равнозначен подвигу, учитывая агрессивную толпу у стен парламента, члены которого прекрасно видели, как народ поступал со спешащими на заседания лордами, многие из которых подверглись неприятным и унижительным нападкам. Например, архиепископа Йоркского и лорда Мэнсфилда народ открыто оскорблял, а лорд президент был схвачен, помят и бит по ногам. Лорд Стормонт, чей экипаж находился в руках толпы около получаса, пережил очень неприятные минуты, а герцог Нортумберленд, хотя с ним обращались более дружелюбно, лишился часов. Подобный приём встретили почти все парламентарии: эти примеры можно продолжать долго. Здесь примечательно, что почти никто из пэров физически не пострадал: в основном ущерб был моральным, реже материальным, когда пропадали личные вещи /30/.

Удивительно, что, несмотря на ожидаемую многолюдную толпу, никаких подготовительных мер со стороны властей предпринято не было. В итоге парламент оказался фактически беззащитным перед фанатиками лорда Гордона: в случае штурма безопасность пэров могли обеспечить лишь 6 констеблей, а спокойствие коммонеров зависело от привратников /31/. Ситуация осложнялась тем, что Гордон через двери и окна называл населению имена тех членов палаты, которые выступали против их мнения, что в итоге переполнило чашу терпения парламентариев. Генерал Конвей в общем и частном порядке делал лорду замечания, спикер и лорд Норт вызвали охрану /32/. Среди членов парламента, пытавшихся образумить Гордона, выделился генерал Джеймс Мюррей, который, положив руку на шпагу, сказал: «Лорд Джордж, если хоть один из ваших незаконных последователей войдёт в нашу палату, я приму это за начало восстания и проткну вас шпагой как их лидера и подстрекателя». Эти слова способствовали успокоению лорда Гордона /33/, который, видя, что ситуация выходит из-под контроля, обратился к сторонникам смягчающим тоном. Он понимал, что если не успокоит их, то возможна резня. Но было уже поздно - толпа стала слушать людей, не подчинявшихся влиянию Гордона /34/.

После возобновления заседаний нижней палаты 6 июня, всё внимание было сосредоточено на преодолении мятежей. Так Баллер предлагал резолюции по факту оскорбления парламента, Бёрк и Фокс настаивали на необходимости применения против восставших военной силы. Почти все парламентарии поддерживали это мнение, и лишь лорд Гордон пытался вступить в полемику, утверждая, что удовлетворение требований толпы будет способствовать её мирному рассеянию. Его не поддержали, а палата приостановила заседания до 8 июня, когда снова продлила перерыв уже до 19 июня /35/.

По случайному стечению обстоятельств в повестке дня высшей палаты также стояло рассмотрение популярного вопроса. Реформа парламента, речь о необходимости которой произнёс герцог Ричмонд, спровоцировала горячее обсуждение про-

блемы, плавно перешедшее в изложение мнений о текущих событиях в Лондоне: пэры отвлеклись от первоначального вопроса, из-за чего заседание палаты перенесли на следующий день /36/. Обсуждение ситуации в столице доминировало и 3 июня, но Ричмонд всё же представил свой билль как «Акт, провозглашающий и восстанавливающий естественное, неотчуждаемое и равное право всех общин Великобритании (кроме несовершеннолетних, умственно недееспособных и преступников) голосовать на выборах своих представителей в парламент; о регулировании метода и способа таких выборов; за возвращение ежегодных парламентам, за передачу в наследство 16 мест шотландских пэров, избираемых от Шотландии, за установление более справедливых правил в отношении пэрства Шотландии». Но по инициативе лорда Стормонта билль отвергли без голосования. В ходе мятежей лорды собрались ещё 6 июня лишь для приостановки заседания до 19 июня /37/.

Хотя подробное описание по дням действий восставших не входит в задачи данной статьи, всё же необходимо кратко коснуться общей динамики мятежей. После неудачи в парламенте 2 июня недовольство толпы вылилось в погромах католических объектов, самыми важными из которых были часовни сардинского и баварского дипломатов. Следующий день прошёл относительно спокойно, что породило у части политиков надежду на прекращение бесчинств народных масс. Однако 4 июня беспорядки возобновились, причём ярость толпы возрастала с каждым днём. Часовни, школы и дома католиков, а также сторонников их эмансипации подверглись целенаправленному уничтожению. По настоящему критическим днём стало 6 июня, когда восставшие полностью хозяйничали в Лондоне, а нападению подверглись уже и государственные учреждения, например тюрьмы: захваченная и разрушенная тюрьма Ньюгейт, а также сожжённый со всеми культурными ценностями дом лорда Мэнсфилда стали символами мятежей Гордона. Вскоре атаке подвергся и Английский банк. Каждый день в городе полыхали десятки пожаров, и лишь безветренная погода спасла Лондон от

массового возгорания, так как средства пожаротушения были уничтожены восставшими. В мятежах Гордона поражала не только массовость, но и вовлечённость в них широких слоёв общества. Вероисповедание, социальное положение, пол и цвет кожи не были доминирующими чертами. Среди арестованных мятежников встречались католики, в число 26 людей, подвергшихся наказанию, попал один еврей. Одна негритянка была повешена, а двум неграм предоставили отсрочку приговора. Среди казнённых были 4 женщины, которые «отличились» во многих позорных действиях мятежников наравне с мужчинами. А одним из самых колоритных мятежников был Эдвард Деннис, палач Ньюгейта /38/.

С первого же дня отличительной особенностью мятежей Гордона была полная неспособность власти обеспечить хотя бы попытку наведения порядка. Как раз, когда должны были пройти торжества, связанные с днём рождения короля, Лондон оказался в руках толпы. Вся столица поглубела от знаков принадлежности к петиционерам, хотя увеличение числа голубых кокард на улицах объяснялось элементарными требованиями безопасности: этот знак был гарантией от нападения, когда события развивались уже по своей логике /39/. Городские и военные власти были крайне осторожны в использовании силы, опасаясь, что в случае появления жертв предубеждённые присяжные будут судить должностных лиц за убийства. Из-за этого они были пассивны и неспособны приказать военным открыть огонь по восставшим в случае, если те будут провоцировать и дальше /40/. Здесь показательны слова лорд-мэра Кеннетта двум ведущим купцам, обратившимся к нему с просьбой о защите их собственности: «У меня есть предписания привлекать военных, если это потребуется, но я должен быть осторожным с этим, если не хочу привести толпу к моему дому» /41/. Ограничившись отдельными арестами, власти не предприняли ни одной серьёзной попытки подавить беспорядки, что вызывало справедливые упреки жителей столицы. Один современник написал 5 июня: «Правительство безгранично виновно в том, что не про-

вело более эффективные приготовления для сопротивления этим беспорядкам в самом начале», отметив, что «...пока немедленные и серьёзные усилия не будут предприняты, наша столица и, несомненно, королевство должны подчиняться фанатичной толпе» /42/. Вяло действовал и лорд Норт. Во время беспорядков он поспешил послать за охраной, чтобы защитить свой дом, но на меры по защите порядка в столице у него не хватило энергии: премьер-министр был зрителем /43/.

Когда казалось, что все органы власти были парализованы, лишь один человек в структуре управления сохранил самообладание и способность к действию. Им оказался монарх, не желавший, как парламент, быть пассивным. Георга III часто описывали как яростного противника католиков, что было не совсем так. Король искренне дружил с некоторыми членами католической элиты, что олицетворялось, например, хорошо освещённым визитом к лорду-католику Петри в разгар американской войны в 1778 г. Георг говорил Норту: «Если бы джентельмены католического вероисповедания и достойного характера попросили бы разрешения отдать своих сыновей в австрийскую или сардинскую службу, я всегда его подпишу». Единственным исключением была Франция. И теперь, когда монарх выразил намерение обеспечить «защиту жизней и собственности всех моих подданных», он поставил необходимость порядка выше религиозных предрассудков, показав недовольство популярному антикатолицизму /44/.

Вместо празднования своего дня рождения, самые тяжёлые дни мятежей Георг III провёл в королевском манеже, откуда он следил за передвижениями народных масс, периодически совершая короткие визиты к королеве и семье для поддержания их духа. По его приказу в Квинс-гарденз было сосредоточено до трёх-четырёх тысяч солдат, сперва не готовых к отражению нападков толпы. Не желая кровопролития, Георг отдал приказ войскам не стрелять, а лишь отеснять толпу с их дороги в Сейнт-Джеймский дворец /45/. Но постепенно у монарха крепла решимость активно бороться с восставшими, и 5 июня он писал Нор-

ту: «Я верю, что парламент примет все меры, которые потребует необходимость. Над этим мятежом надо взять верх, или он вдохновит желающих использовать его в качестве прецедента, чтобы поднять людей в других вопросах; если возможно, мы должны добраться до сути дела, и показать должный пример» /46/.

Видя беспомощность лондонских властей, 7 июня король созвал Тайный совет, на который явилось большинство его членов. Но в ходе заседания чувствовалась нерешительность: эффективных мер никто не предложил. Лорд Бэтарт, президент совета, и сэр Флетчер Нортон, спикер парламента, в целом одобрили применение вооруженной силы против восставших, но никто не решился подписать соответствующий приказ /47/. Однако Георг был настроен твёрдо и в частном порядке спросил генерального атторнея Веддерборна, можно ли применить военную силу без соблюдения юридических формальностей. Получив утвердительный ответ и подтверждение, что это мнение основывается на законе, король воскликнул: «Да будет это сделано». Веддерборн немедленно составил приказ, который монарх тут же подписал /48/. Опираясь на этот документ, генерал-адъютант Уильям Эмхерст передал инструкции войскам: «С целью исполнения приказа короля, отданного в Совете, военнослужащим предписывается действовать не дожидаясь указаний от гражданских должностных лиц и применять силу для рассеяния незаконных и мятежных собраний людей» /49/. Колебания членов совета были связаны с обсуждением двух важных конституционных вопросов, без ответа на которые законное подавление мятежей казалось невозможным. Первый заключался в степени подстрекательства толпы, которая позволила бы должностным лицам отдать приказ военным стрелять в мятежников. Второй - в необходимости соблюдения формы закона, то есть обязательного чтения акта о мятеже, что в тех условиях было проблематично. В итоге обе проблемы были разрешены в пользу короля /50/, чья решимость способствовала подавлению мятежей 8 - 9 июня. А через десять дней Георг произнёс речь перед

обеими палатами, в которой объявил беспорядки оконченными и озвучил заверения, что действовал по законам королевства с целью защитить права и свободы народа /51/.

Виновник мятежей лорд Гордон был взят под стражу в своём доме только 9 июня. Если верить Уолполу, в этот раз население округа выступило против лорда, оскорбляя его при аресте. Он сразу же был заключён в Тауэр, где в течение 10 дней к нему никого не допускали /52/. Гордона попытались осудить за измену, однако благодаря стараниям его защитников - Кеннона и Эрскина - он был оправдан к радости своих сторонников. Некоторые общества Эдинбурга даже открыли подписку в помощь Гордону, которая собрала 485 фунтов стерлингов, но это не смогло предотвратить постепенное забвение мятежного политика /53/, чья дальнейшая судьба сложилась неудачно. Он всё ещё пытался заявить о себе и привлечь внимание короля, однако в 1787 г. был признан виновным в оскорблении королевы Франции и французского посла. Побег от правосудия в Голландию закончился провалом: власти этой страны выдали беглеца, который по иронии судьбы был заключён в Ньюгейтскую тюрьму в годовщину её взятия восстателями. В заключении эксцентричный лорд продолжал удивлять, заявив о своём иудаистском вероисповедании, а 1 ноября 1793 года этот беспокойный человек скончался /54/.

Мятежи Гордона дорого обошлись столице. Материальный ущерб был оценён в 180000 фунтов стерлингов. По официальным данным 285 человек было убито, 173 получили тяжёлые ранения. По справедливым оценкам многих историков это число жертв является неполным: многие убитые и раненые были унесены их друзьями и близкими и похоронены тайно. Остаётся неизвестным и сколько людей погибло в горящих зданиях или просто перепилось насмерть в разграбленных винных погребах /55/. Современник событий Натаниэль Роксол отмечал, что тела убитых сбрасывали в Темзу, где течение уносило их далеко от города. Раненые не спешили обращаться за помощью, чтобы их не привлекли к ответственности за мятежи, а следы от

пуль на стенах старались быстро замазать. Роксол оценивал общее число убитых и раненых в 700 человек, отмечая, что эти данные вызвали огромные споры в обществе /56/.

Главным политическим результатом мятежей Гордона можно считать временное ослабление оппозиции и даже её сближение с правительством. Известный политик Графтон правильно оценил последствия беспорядков: «Эти мятежи, какими бы позорными они не были для нации, послужили временной опорой для немощной администрации, а страх анархии привёл состоятельных людей к поддержке любого правительства...» /57/. Мятежи Гордона стали таким экстраординарным событием, что привели к своеобразной революции в сознании отдельных политиков. В качестве примера стоит назвать, пожалуй, самого известного оппонента Георга III, Джона Уилкса, которого именно мятежи Гордона впервые вынудили принять сторону правительства. Встав на защиту порядка, Уилкс действовал решительно: он организовал и возглавил вооружённый отряд из всех своих соседей и помогал солдатам защищать Английский банк, когда ярость толпы достигла своего пика /58/. Во время беспорядков Уилкс не побоялся издать ордер на поиск и взятие под стражу всех праздных и бесчинствующих лиц, а также тех, кто прятал оружие. Он распорядился о закрытии в десять часов вечера на ночь всех общественных зданий и патрулировании района Фаррингтона. Во время встреч с лорд-мэром Уилкс настаивал на принятии жёстких мер в отношении восставших. Можно утверждать, что Уилкс ревностно следил за соблюдением закона и порядка как констебль /59/. В основном его усилия сводились к изданию и исполнению ордеров при помощи армейских частей. По иронии судьбы, как отмечал историк П. Фитцджералд, многие из этих ордеров были составлены так, что их без преувеличения можно считать теми самыми «общими ордерами», в борьбе с которыми в своё время Уилкс пал жертвой правительства /60/. Интересно, что даже после подавления мятежей Уилкс выражал крайние взгляды в отношении их участников. Так он заявил, что если бы обладал полномочиями

монарха, то не оставил бы в живых ни одного мятежника, чтобы те не могли хвастаться своими подвигами или умолять о прощении /61/.

Примечательно, что сближение правительства и оппозиции началось уже во время мятежей. Так Джон Гальт утверждал, что Джон Макферсон в начале мятежей предложил Норту открыть переговоры с членами оппозиции, чтобы погасить страсти, и переговоры с Фоксом даже начались, но чем они закончились, неизвестно /62/. В мемуарах Уолпол пишет, что 3 июня генерал Конвэй получил от доверенного лица короля письмо, где ему сообщалось о намерении Георга III сменить администрацию, состав которой поручалось определить Конвэю, при условии занятия им должности главнокомандующего и назначения Гермейна главой правительства. Ричмонду разрешалось вести переговоры с Францией, Кэمدену и Бёрку - с Америкой. Уолпол, которому Конвэй показал этот план, всесторонне раскритиковал его, назвав его «самым глупым, который я когда-либо видел» /63/. Впрочем, велика вероятность того, что Уолпол ошибся в интерпретации событий.

Разногласия Рокингема с Шелборном и поддержка маркизом правительства в подавлении беспорядков позволили министерству надеяться на союз с ним. В июне - июле состоялись переговоры Норта с Рокингом, оцениваемые историком Й. Кристи как предвыборный манёвр /64/. Фредерик Монтегю выступил посредником. Норт не исключал назначений Тауншенда, Бёрка, Фокса, герцогов Портленда и Манчестера, но просил не настаивать на должностях для Фокса, которая бы требовала визитов к королю. В свою очередь оппозиция настаивала на отставке Сэндвича, проведения экономической реформы, мест для Ричмонда и Фокса. Решение американского вопроса временно отложили /65/. Но когда переговоры дошли до обсуждения деталей, разногласия проявились с новой силой: возражения министров вызвали кандидатуры Кеппела, Фокса и Ричмонда /66/. Переговоры окончились, что можно объяснить двойной тактикой лидеров оппозиции. Так, например, во время мятежей Фокс актив-

но участвовал в подавлении выступлений, помогая задерживать их участников, но уже после в парламенте он не проявлял никакой солидарности с министерством /67/.

В целом мятежи Гордона сыграли на руку правительству и королю, тронная речь которого 8 июля 1780 г., закрывшая сессию парламента, была спокойной. Георг III оценил военные усилия как успешные и призвал членов обеих палат предостеречь народ от новых попыток свергнуть "нашу свободную и счастливую конституцию", подразумевая лондонские беспорядки /68/. Если не принимать в расчёт ущерб городу, монарх остался в выигрыше. Его активная позиция в противовес пассивности парламента была не только правильной тактикой для подавления мятежей, но и способствовала дискредитации парламентской оппозиции, занятой заигрыванием с радикальным движением и фактически морально допустившей выход народных низов из под контроля.

Другим важным итогом мятежей стал неизбежный упадок массового общественного движения. Беспорядки 1780 г. на десятилетия вперёд стали политическим капиталом, сплотившим консервативную элиту и позволившим противостоять популярному движению. Утверждения о том, что мятежи были прямым результатом деятельности ассоциации и петиционной кампании, использовались для дискредитации самой идеи подачи петиций и образования ассоциаций /69/. Многие ассоциации в графствах потеряли доверие общества и их покинули те, кто прежде с воодушевлением в них вступал. Мятежи Гордона также привели к свёртыванию широкого общественного движения за избирательную реформу /70/. Идее продвижения реформы парламента и проамериканскому движению в Лондоне был нанесён катастрофический удар, после которого многие навсегда отошли от дальнейшего участия в оппозиционной политике /71/. Роксол писал, что после мятежей Гордона оппозиции было сложно доказать свою невиновность. Хотя её никто не обвинял, подозрения легли на лорда Шелборна, скорее всего необосновано /72/. Мятежи также окончательно убедили сторонников ми-

нистерства, аристократию и независимых консерваторов в их неприятии участия общества в политике. В этом плане иронией была сцена представления герцогом Ричмондом его билля под крики осаждавшей парламент толпы /73/.

Таким образом, подводя итоги, можно утверждать, что мятежи Гордона были комплексным явлением, вызванным политическими, религиозными и социальными причинами. Рост радикального движения в условиях войны с католическими державами Европы способствовал активизации не только политического, но и религиозного недовольства. Появление Протестантской ассоциации полностью соответствовало тенденции расширения сети популярных антиправительственных организаций, но в отличие от своих политических собратьев, благодаря подсознательным антикатолическим настроениям населения, организация лорда Гордона смогла привлечь больше приверженцев. Современники, поражённые масштабностью беспорядков и фанатичностью толпы, вынуждены были сплотиться вокруг короля Георга III, проявившего в противовес парламента решимость в подавлении мятежей, а оппозиция - поддержать правительство. В результате непопулярное министерство Норта получило отсрочку своего падения, а в сознании элиты надолго утвердилось неприятие всех форм массовых движений жителей страны, последствия которого были ещё долго заметны в политической жизни.

1. Эту точку зрения можно иначе назвать теорией заговора. К ней активно прибегали современники событий, что вполне естественно для политического сообщества в условиях войны с внешним врагом и борьбой с оппозицией. Например, один из парламентариев писал другому: «Я полагаю, что в основе этого мятежа находится американское предательство и английская измена, а религия является поводом». Mr. Batt, Q.C. to James Harris, Esq., M.P. June 8, 1780 // A Series of Letters of the First Earl of Malmesbury, His Family and Friends from 1745 to 1820 / Ed. by the Earl of Malmesbury. Vol. I. L., 1870. P. 465.
2. McLynn F. Crime and Punishment in Eighteenth-Century England. N.

- Y., 1989. P. 238.
3. Рюде Дж. Народные низы в истории: 1730 - 1848. М., 1984. С. 69-70, 74.
  4. Там же. С. 75-77.
  5. Dickinson H.T. The Politics of the People in the Eighteenth-Century Britain. Basingstoke, 1994. P. 141.
  6. Babington A. Military Intervention in Britain. From the Gordon Riots to the Gibraltar Incident. L. - N. Y., 1991. P. 21.
  7. The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch It is Continued Downwards in the Work Entitled "The Parliamentary Debates". (Далее: PH) Vol. XXI. Comprising the Period from the Eleventh of February 1780, to the Twenty-Fifth of March 1781. L., 1814. Col. 193 - 217, 287 - 293.
  8. За было подано 233 голоса, против - 215. Ibid. Col. 340 - 374.
  9. За голосовало 215 членов парламента, против - 213. Ibid. Col. 374 - 386.
  10. King to Lord North. April 11, 1780 // Correspondence with Lord North from 1768 to 1783 / Ed. by W. Bodham Donne. Vol. II. L., 1867. P. 314.
  11. За голосовало 203 члена парламента, против - 254. PH. Vol. XXI. Col. 494 - 533.
  12. Йоркширская ассоциация являлась радикальной организацией, созданной в результате недовольства высшего класса Йоркшира политикой министерства Норта и американским кризисом. Она стала эффективным инструментом агитации за реформу парламентской системы. Подробнее о ней см.: Christie I. R. The Yorkshire Association, 1780-1784: A Study in Political Organization // The Historical Journal. Vol. III. No. 2. 1960. P. 144-161.
  13. The Marquis of Rockingham to Mr. Pemberton Milnes. February 28, 1780 // Memoirs of the Marquis of Rockingham and His Contemporaries with the Original Letters and Documents / Ed. by George Thomas, Earl of Albemarle. Vol. II. L., 1852. P. 396 - 398.
  14. Christie I.R. Economical Reform and "The Influence of the Crown", 1780 // Cambridge Historical Journal. Vol. XII. No. 2. 1956. P. 144.
  15. The History of Europe // The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature, For the Year 1780. The Second Edition. L., 1788. P. 87 - 88.
  16. Langford P. A Polite and Commercial People. England 1727 - 1783.

- Oxford, 1998. P. 550.
17. May T. E. The Constitutional History of England since the Accession of George the Third, 1760 - 1860. Vol. II. L., 1878. P. 272.
  18. Adolphus J. The History of England, from the Accession of King George the Third, to the Conclusion of Peace in the Year One Thousand Seven Hundred and Eighty-Three. Vol. III. L., 1802. P. 273 - 274.
  19. Butterfield H. George III, Lord North and the People: 1779-80. L., 1949. P. 375 - 376.
  20. McCarthy J. McCarthy J. H. A History of the Four Georges and of William IV. Vol. III. L., 1901. P. 263.
  21. Black E.C. The Association: British Extraparliamentary Political Organization 1769 - 1793. Cambridge (Mass.), 1963. P. 148.
  22. Jesse J. H. Memoirs of King George the Third, His Life and Reign. Vol. III. Boston, 1902. P. 250 - 251.
  23. Journal of the Reign of King George the Third, from the Year 1771 to 1783. By Horace Walpole. Now First Published from the Original MSS. / Ed. with Notes by Dr. Doran. Vol. II. L., 1859. P. 362.
  24. To Sir Horace Mann. February 6, 1780 // The Letters of Horace Walpole, Earl of Orford / Ed. by Peter Cunningham. Now First Chronologically Arranged. Vol. VII. L., 1858. P. 328.
  25. Journal of the Reign of King George the Third... Vol. II. P. 362-363.
  26. PH. Vol. XXI. Col. 149, 533.
  27. Appendix to the Chronicle // The Annual Register... 1780. P. 256 - 257. По иронии судьбы, в будущем на месте сбора противников эмансипации католиков из Протестантской ассоциации был сооружён католический храм.
  28. The History of Europe // The Annual Register... 1780. P. 193. По разным оценкам, на призыв Гордона откликнулось от 40 до 100 тысяч человек.
  29. Кроме Гордона за петицию голосовали П. Дж. Клерк, М. Ле Флеминг, Джеймс Лоузер, а также Полхил, Телемах и граф Верней. PH. Vol. XXI. Col. 665 - 660.
  30. Huish R. The Public and Private Life of His Late Excellent and Most Gracious Majesty, George the Third, Embracing its Most Memorable Incidents as They Were Displayed in the Important Relation of Son, Husband, Father, Friend, and Sovereign... L., 1821. P. 405 - 406.
  31. May T. E. Op. cit. Vol. II. P. 273 - 274.
  32. Journal of the Reign of King George the Third... Vol. II. P. 404.

33. Holt E. The Public and Domestic Life of His Late Most Gracious Majesty, George the Third; Comprising the Most Eventful and Important Period in the British History: Compiled from Authentic Sources, and Interested with Numerous Anecdotes. Vol. I. L., 1820. P. 237 - 238.
34. McLynn F. Op. cit. P. 233.
35. PH. Vol. XXI. Col. 661 - 664.
36. Ibid. Col. 664 - 672.
37. Ibid. Col. 672 - 688.
38. Black E.C. Op. cit. P. 164.
39. Butterfield H. Op. cit. P. 377.
40. Bleackley H. Life of John Wilkes. L. - N. Y., 1917. P. 362; Sainsbury J. Disaffected Patriots. London Supporters of Revolutionary America, 1769 - 1782. Kingstone - Montreal, 1987. P. 28.
41. Цит. по: Babington A. Op. cit. P. 23.
42. Mr. Batt, Q.C. to James Harris, Esq., M.P. June 5, 1780 // Letters of Malmesbury. Vol. I. P. 462.
43. Lucas R. Lord North, Second Earl of Guilford, 1732 - 1792. Vol. II. L., 1913. P. 119.
44. Ditchfield G. M. George III: An Essay in Monarchy. Basingstoke, 2002. P. 100 - 101.
45. George the Third: His Court and Family. Vol. I. L., 1821. P. 473-474.
46. To Lord North. June 5, 1780 // Correspondence with Lord North. Vol. I. P. 323.
47. Wraxall N. Historical Memoirs of My Own Time. Vol. I. L., 1815. P. 345.
48. Ibid. P. 344 - 346; Adolphus J. Op. cit. Vol. III. P. 392 - 394.
49. Appendix to the Chronicle // The Annual Register... 1780. P. 266.
50. Wilson B. George III, as Man, Monarch and Statesman. L., 1907. P. 364.
51. PH. Vol. XXI. Col. 689.
52. Journal of the Reign of King George the Third... Vol. II. P. 410.
53. Adolphus J. Op. cit. Vol. III. P. 302.
54. McCarthy J. McCarthy J.H. Op. cit. Vol. III. P. 289-290.
55. Ibid. P. 287.
56. Wraxall N. Op. cit. Vol. I. P. 338, 340 - 341.
57. Autobiography and Political Correspondence of Augustus Henry Third Duke of Grafton, K.G. From Hitherto Unpublished Documents in the Possession of His Family / Ed. by William R. Anson. L., 1898. P. 313.
58. Bleackley H. Op. cit. P. 360, 364.
59. Treloar W.P. Wilkes and the City. L., 1917. P. 206 - 207.
60. Fitzgerald P. The Life and Times of John Wilkes, M.P., Lord Mayor of London and Chamberlain. Vol. II. L., 1888. P. 288-289.
61. McCarthy J. McCarthy J.H. Op. cit. Vol. III. P. 287.
62. George the Third: His Court and Family. P. 469 - 470.
63. Journal of the Reign of King George the Third... Vol. II. P. 405.
64. Christie J.R. The Marquis of Rockingham and Lord North's Offer of a Coalition, June - July 1780 // English Historical Review. 1954. Vol. LXIX. № 272. P. 388 - 390.
65. Minutes of Conversation with Mr. Montagu // Memorials and Correspondence of Charles James Fox / Ed. by Lord John Russell. Vol. I. L., 1853. P. 251 - 252.
66. Mr. Fitzpatrick to Lord Ossory. July 1780 // Ibid. Vol. I. P. 254.
67. George the Third: His Court and Family. Vol. I. P. 475.
68. PH. Vol. XXI. Col. 767.
69. Jephson H. The Platform: Its Rise and Progress. Vol. I. L. - N. Y., 1968. P. 124.
70. Aikin J. Annals of the Reign of King George the Third: from its Commencement in the Year 1760 to the Death of His Majesty in the Year 1820. Vol. I. L., 1820. P. 264.
71. Sainsbury J. Op. cit. P. 158.
72. Wraxall N. Op. cit. Vol. I. P. 349.
73. Black E.C. Op. cit. P. 66 - 67.